О. Рокпло[2]

БРИКС+ И ИСТОРИЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О «ЦАРЯХ МИРА»

Мир изменит свою основу,
Мы — те, кто были ничем, станем всем!
Интернационал (французская версия)

Слова «Интернационала» имели особое значение для антиколониальной борьбы. Эта борьба, касающаяся большинства народов мира, велась как против колониальных захватов и оккупации, так и против идеологии, которая их оправдывала, и против разрушительного культурного вторжения. Слова гимна означают, что колонизированные народы отождествляли себя с пролетариатом и боролись за достойное место в мире. Это был третий мир, воплощением которого стала Бандунгская конференция.

2022 год и категорический отказ стран Азии, Африки и Латинской Америки от введения санкций против России, несмотря на требования и угрозы евро-американского мира и *Homo euramericanus*, вероятно, знаменует собой конец эпохи колониализма, начавшейся в XVIII веке. Антиколониальная борьба переходит в другую фазу — фазу БРИКС+: «Мы были всем, давайте станем всем снова». Действительно, история и память великих народов БРИКС+ такова, что они помнят: до эпохи колониализма они были ведущими державами на Земле. Понимание места БРИКС+ означает прежде всего изучение исторических циклов и, в частности, истории *мирового порядка* — понятия, которое сегодня очень плохо понимается и определяется. Мировой порядок будет рассматриваться здесь с культурологической точки зрения, то есть не как простое англосаксонское юридико-политическое понятие, а как очень глубокий культурный, символический и даже духовный вопрос. Наша гипотеза заключается в том, что группа БРИКС+ представляет собой попытку объединения цивилизующих стран с целью наведения порядка в мире после 250 лет хаоса колониализма, разрушившего важнейшие культурные связи между государствами и народами.

Чтобы начать это исследование, мы предлагаем прежде всего охарактеризовать и определить историческое место той эпохи, которая завершилась, и той, в которую мы вступили в 2022 году. Затем мы проанализируем традиционные культурные представления о мире, которые транслируют основные страны БРИКС+, и оценим их отличие от североатлантического мира колониализма, чтобы продемонстрировать, что только державы БРИКС+ обладают культурным потенциалом для создания подлинного мирового порядка. Наконец, рассмотрим значение действий БРИКС+ по отношению к понятию мирового порядка с точки зрения культуры.

Тема, безусловно, грандиозная, и это лишь начало размышлений и предварительные направления исследований. Мысль Д. С. Лихачева будет направлять нас в попытке постичь фундаментальную природу явных,

[2] Профессор Университета Сорбонна (Франция), доктор исторических наук, доктор политических наук. Бывший советник специального посланника Франции в России, политический аналитик и консультант аналитического центра «Конфликты» (Париж) и форума SongYun (Шанхай). Автор 30 публикаций на темы геополитики, истории, международных отношений и «цветных революций», в т. ч.: «Привкус „цветных революций“» (в соавт., Гран-при «Триумф» Национального конкурса «Искусство книги» (Беларусь), 2024), «Калининград: прусский эпицентр напряженности в Балтийском регионе?», «Россия и ее дальнезападное зеркало: геополитическая идентичность России через призму Калининградской области» и др. Обладатель ряда наград Института Гердера в Марбурге (Германия).

но прежде всего — неявных культурных представлений, определяющих поведение народов и государств по отношению друг к другу.

Мир, который мы знали, возник в результате Семилетней войны, а сейчас перед нами новый XVII век

Однополярный мир не является следствием только распада СССР. Процитируем замечательный текст Сунь Ятсена, известный как речь в Кобе о паназиатском мире, чтобы понять, что мир, который мы знали до 2022 года, возник не в 1991 году. В речи в Кобе показано, что он был почти таким же уже в 1924 году. Китайский президент отметил, что мир разделен на две части — между тем, что он назвал Миром силы (World of Might) и Миром права (World of Right). Мир силы — это мир колониализма, состоящий из западноевропейских держав во главе с Британией, а также США, которые проводят ту же политику и являются выходцами из того же мира. Им противостоит Мир права, к которому, по словам президента, относятся азиатские державы, некогда входившие в состав Монгольской империи: Китай, Иран, Турция, Афганистан, а также СССР, который, как отмечает Сунь, порвал с колониальной Западной Европой и вернулся в азиатское лоно в 1917 году. Сунь добавляет Японию (ошибочно) и Египет (справедливо) к Миру права. Сунь описывает мир, которому угрожали колониальные завоевания, прямые или косвенные, и который был переформатирован. Поэтому он ссылается на Мир права, то есть на историческое китайско-монгольское право, которое было еще одним способом организации известного мира в соответствии с традиционными и долговечными концепциями. К этому мы вернемся чуть позже. Иными словами, речь в Кобе остается актуальной и через 100 лет после ее написания. Эфиопская война 1935–1936 годов мало чем отличается от Иракской, Сирийской или Ливийской войны в XXI веке.

После 1763 года, когда британцы одержали победу в Семилетней войне, они заложили в Индии основы мира, который, в отличие от пиренейских империй, косвенно распространялся на всю планету. Британский колониализм, иногда поддерживаемый другими державами, навязывал свой правовой, экономический и прежде всего культурный порядок везде, куда бы он ни пришел. Британец никогда не адаптировался, как люди из пиренейских стран, не смешивался — наоборот, он навязывал свои законы, правила и привычки. Он устанавливал то, что Лихачев называл «стеной разобщенности», — непроницаемую культурную границу, которая идет рука об руку с очень сильной агрессией разрушения[1].

Колониализм разрушил все традиционные политические и культурные связи, структурировавшие остальной мир, в том числе очень прочные, объединявшие великие цивилизационные империи (Османскую империю, Иран, Индию, Китай) с периферийными государствами, имевшими общее культурное происхождение (например, связи между Османским полюсом и странами Сахары; между Китайским полюсом и Индокитаем). Это были не просто связи политического вассалитета, а целый ряд интеллектуальных, религиозных и символических связей, позволявших народам ориентироваться в мире через точку отсчета, которая обеспечивала им экзистенциальную культурно-психологическую стабильность.

Рационализм и позитивизм Западной Европы, навязанные травмой колониальных захватов, разрушили культурные ориентиры народов Азии и Африки, а символическое измерение мира стерто. По сути, для всех этих народов мир вступил в состояние абсолютного культурного хаоса. Вот мир, который Сунь описывал в 1924 году. После 1945 года этот мир принципиально не изменился, потому что на смену английскому колониализму пришел североамериканский империализм, который к тому же был производным от него. Разумеется, СССР, а затем КНР пытались предложить альтернативу миру колониализма. Часто говорят о биполярности в период с 1945 по 1990 год. СССР был скорее балансирующей державой, противовесом однополярному миру, а не вторым равноправным полюсом, поскольку ему всегда не хватало коммерческой мощи, которая экономически поддерживала бы мировую гегемонию. С 1763 по 2022 год мир оставался структурированным как англосаксонский колониальный мир, если не по форме, то, по крайней мере, по сути и ментальным представлениям. Официальная деколонизация означала лишь то, что бывшие колонии были вновь интегрированы в те же структуры с несколько лучшим статусом. Это не означает, что структура мира изменилась коренным образом.

Эта эра закончилась в 2022 году. Как и в 1700-м, Россия должна сделать выбор, потому что она находится между несколькими мирами. Западноевропейский цикл, открытый Петром в 1700 году, в 2022 году завершился — открывается новый цикл. На этот раз Россия, похоже, повернется в сторону Китая — идея, к которой призывал Сунь в 1924 году. Но сходство между миром 1700-го и 2024 годов видно во всем мире. Совершают впечатляющее возвращение на мировую арену великие державы XVII века : Турция, Иран, Китай, Индия и наследники Лузо-Испанской империи — Бразилия, Аргентина и Мексика.

Многополярность в культурных традициях бывших империй: образ «царей мира»

В XXI веке рассуждать о многополярности надо на другом уровне и с использованием структур, отличных от ООН, — на более глубоких уровнях, обращаясь к другим, устойчивым моделям, укорененным в истории и культуре народов. Уже с античных времен многие цивилизации мыслили категориями сбалансированных многополярных миров. Вот несколько примеров, которые могут дать нам пищу для размышлений.

Одна из самых древних известных нам моделей — персидская. Согласно древней традиции *во дворце сасанидского шаха была комната, в которой стояли четыре трона: его собственный и по одному для трех других владык известного мира — римского императо-*

[1] *Лихачев Д. С.* Два типа границ между культурами // Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. СПб. : Русско-Балтийский информ. центр «БЛИЦ», 1996. С. 97–102.

ра, китайского и хазарского (тюркского) кагана[1]. Из этих данных можно сделать вывод, что сасанидские культурные и геополитические мыслители считали, что мир состоит из четырех равных частей, каждой из которых правит один царь, равный персидскому. Такое ви́дение резко контрастирует с этноцентризмом, к которому мы привыкли в Западной Европе. Сасанидский шахиншах не только признавал своих теоретически равных и не только выделял для них места — эти цари представляли державы, которые были в корне чужды и даже враждебны иранской цивилизации (особенно римляне). Это означает, что персы, используя титул Царя царей, были способны объединить другие империи, цивилизации, миры и представить себе коллегиальность или даже своего рода братство между императорами в идеальном ви́дении, поскольку императоры должны были быть способны сидеть в креслах рядом, в добром взаимопонимании. Это замечательный пример традиционного мышления, в котором достигается действительно мировое измерение и подлинная многополярность между четырьмя идеализированными императорами.

Персидский взгляд не является уникальным. Представления сасанидского шаха естественным образом повлияли на арабское ви́дение мира. Известно, что из-за климатической теории арабы традиционно презирали народы севера (включая тюрков) и юга (в том числе индийцев). *Однако, например, на фреске «Шесть царей» в Каср-Амре омейядский кронпринц окружен василевсом, сасанидским шахом, абиссинским негусом и испанским королем Родриго. Два остальных царя, вероятно, — махараджа Дахир с тюркским каганом. Это семейное представление мира, потому что шах, василевс и каган — это предки, на которых претендует кронпринц, а остальные государи представлены как равные им*[2]. Географ Ибн Хаукаль также признавал, что мир состоит из четырех империй: Ирана (= исламский мир), Рима, Индии и Китая[3]. Таким образом, арабы классической эпохи также представляли мир многополярным, то есть как совокупность миров, очень разных в культурном отношении, но равных по символическому достоинству.

Византийское ви́дение не сильно отличалось и было столь же многополярным по своей сути. *Византийские цари считали себя центром мира, но при этом всегда воспринимали персов, а затем арабов как равных себе.* С 900 года они признали равной себе и Германскую Римскую империю. Они также уважали достоинство хазарского хана и посылали ему подарки высочайшей ценности, как другому императору, и принимали его царевен в жены[4]. Причина проста: Византия была окружена другими империями, представлявшими разные цивилизации — непохожие, но с равным уровнем могущества и культуры.

Совершенно независимым и отличным от византийского, иранского и арабского ви́дений является монгольское ви́дение потомков Чингисхана. Монгольская империя ближе всех подошла к тому, чтобы стать действительно мировой или, по крайней мере, всеевразийской империей. *Эта империя мыслила свои просторы не как монолитное образование, а как совокупность различных империй, связанных генеалогическими узами братства:* империя Юань (Монголия и Китай), Чагатайская империя (Центральная Азия), империя ильханов (Иран), Золотоордынская империя. Это универсальная империя, которая, таким образом, может рассматриваться как символический образ всего мира. И эта империя признает хорошо организованный внутренний плюрализм. Разумеется, между этими частями мира существует иерархия: Юань стоят выше всех, Иран — в прямой зависимости от них, а Чагатай — в косвенной. На другом конце Степи Золотая Орда воспринимается как независимое, но братское и равное государство, и здесь мы тоже видим многополярную модель[5]. Конечно, династические и этнические связи имеют большое значение. Но мы видим, что эта концепция сохранилась, даже без таких связей, в символическом и дипломатическом ви́дении государств-преемников.

Возьмем, например, Китай. Мы знаем, что в 1385 году, в эпоху династии Мин, монгольские идеи проникли в Китай[6]. *Для нас сегодня важно то, что эта концепция зародила в китайском президенте Сунь идею о том, что почти все великие народы Азии, несмотря на огромные культурные различия, являются частью одного исторического мира и что при этом признаются Китаем независимыми от него.* Это многополярное ви́дение, которое достаточно широко, чтобы включить в него даже Россию.

Древняя Русь, судя по литературе тех лет и трудам Дмитрия Сергеевича Лихачева, также знала четырех царей мира, представляющих разные цивилизации: это православный великий князь русский (и киевский, и владимирско-московский), языческо-католический великий князь литовский, православный царь греческий, исламский царь ордынский. *Даже в «Повести временных лет» сюжет о том, как великий князь Владимир выбирал вероисповедание, показаны духовные послы от четырех царей, предлагающие религии: ислам от болгарского хана, иудаизм от хазарского кагана, католичество от германского императора и папы, православие от василевса.* Лихачев писал: «Россия служила гигантским мостом между народами. Мостом прежде всего культурным»[7]. Важно добавить, что Великое княжество Литовское (чьей наследницей сегодня является Беларусь) имело подобные концепции

[1] *Grenet F.* Religions du monde iranien ancient // Annuaire EPHE. Section des sciences religieuses. 2003. № 110 (2001–2002). P. 207–211 ; *Idem.* À propos de la restauration de la ‘Peinture des Ambassadeurs’à Samarkand (p. 600). Retour sur une oeuvre majeure de la peinture sogdienne // Comptes rendus de l’Académie des Inscriptions et Belles-lettres, séance du 21 décembre 2018, à paraître 2020. P. 1847–1869 ; *Idem.* A Historical Figure at the Origin of Gesar of Phrom Frum Kēsar, King of Kābul (737–745) // The Many Faces of King Gesar. Tibetan and Central Asian Studiesin Homage to R. Stein / ed. by M. Kapstein, C. Ramble. Brill, 2022. P. 39–53.

[2] *Grabar O.* The painting of the six kings at Quṣayr Amrah // Ars Orientalis. 1954. № 1. P. 185–187 ; *Grenet F.* Religions du monde iranien ancient.

[3] *Martinez-Gros G.* La division du monde selon Idrîsî // Le partage du monde: Échanges et colonisation dans la Méditerranée médiévale / eds M. Balard, A. Ducellier. P. : Éditions de la Sorbonne, 1988. P. 315–334.

[4] *Grousset R.* L’Empire des Steppes. Payot, 1965. P. 235.

[5] *Ibid.* P. 341, note 3, 471, 478–479.

[6] *Grousset R.* L’Empire des Steppes. P. 533.

[7] *Лихачев Д. С.* Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб. : СПбГУП. 2022. С. 19.

не только до его конституционного соединения с Польшей в 1569 году, но и в последующие годы.

Наконец, Индия. Сасанидская концепция четырех царей мира, возможно, пришла из Индии[1] или, скорее всего, она индоевропейская. В любом случае четыре царя мира отражают четырех богов, управляющих мирами, то есть четырех Локапал[2]. Северная Индия с XII века была мощной исламской империей, в которой доминировали тюрко-афганцы из Восточного Ирана и Центральной Азии. *Таким образом, в Индии сформировалось по-настоящему многополярное ви́дение мира, поскольку эта империя не могла игнорировать другие крупные мусульманские империи — Персидскую, Османскую и Центрально-Азиатскую, от которых происходили индийские династии. Конечно, это не означало, что Индия утратила связи с цивилизациями, матрицей которых она являлась: Индокитаем, Инсулиндией и даже самим Китаем, который отчасти был буддийским. Индия не могла считать их варварами, но игнорировать их тоже не могла. Индийский мир был также вполне готов к восприятию мира во всей его сложности. В начале XX века индийские националисты считали великие африканские и азиатские государства — Османскую империю, Египет, Китай и Японию — равными Индии, то есть фактически включили их в перечень царей мира*[3].

В этом и заключается парадокс истории: именно те государства, которые не мыслили мир как многополярный, построили глобальную дипломатическую и культурную систему. В то время как культура Западной Европы зиждется на однополярной модели. По сути, это народы дальней западной части Евразии, поэтому у них нет доступа к центру континента. На самом деле, мир колониализма — это народы, живущие у Северного моря: франки и саксы, которые находятся слишком далеко от остального мира, чтобы он мог им угрожать. Под остальным миром мы подразумеваем другие ближайшие цивилизации: евразийскую степь, Греческую или Турецкую империю, мусульманскую Африку. Конечно, например Испания, Португалия и Сицилия тоже были когда-то мусульманскими, и следовательно, были тем, что Лихачев назвал «полосой общения»[4]. Византийцы, османы и монголы достигли Венгрии и Хорватии. Все страны, находящиеся на передовой линии, имели или когда-нибудь смогут восстановить неколониальную картину мира. За «линией фронта» страны, непосредственно соприкасавшиеся с этими внешними цивилизациями, должны были относиться к ним с уважением или даже интегрировать их в свое ви́дение мира: Венеция, Неаполь, Австрийская монархия, Польша и Великое княжество Литовское (прародитель Беларуси) — все они относятся к этой категории и также часто были «полосой общения». Но еще дальше находятся страны Северного моря, от Франции до Швеции, которые игнорируют Евразию.

Именно в этом мире Северного моря, который также является миром либерализма и протестантизма, возникшем на основе империй Карла Великого и Кнута Великого, зародился и до сих пор жив колониализм. Именно Северо-Запад доминировал в европейской мысли в последние 250 лет, а на протяжении последних 12 веков безосновательно претендовал на роль «Европы», исключая, узурпируя или преуменьшая гораздо более важную роль греческой и латинской матриц, которые считались «периферийными» и «деградирующими». И все же именно это саксонско-франкское ядро, составляющее сегодня основу ЕС, и породило США под французским покровительством. Более того, североморцы находятся в ситуации, весьма схожей с ситуацией японцев, которые также «однополярники»: исторически японцы знали только китайский мир, частью которого они являлись. Неспособность североморцев представить себе понятие истинного мирового порядка также не позволяет им понять БРИКС, которое по-прежнему интерпретируется через чисто колониальные и абсолютно устаревшие геополитические концепции Спайкмена и Маккиндера (Heartland, Rimland) из-за отсутствия культурного измерения и достаточной исторической ретроспективы[5].

Таким образом, вопрос однополярности и многополярности — это, прежде всего, вопрос культурной географии. Народы с традиционным многополярным ви́дением — это народы Центральной Евразии, которые находятся в контакте друг с другом. Это народы, которые знают и уважают другие цивилизации. Народы с однополярным ви́дением — это те, кто находится на окраинах Евразии, у кого нет доступа ко многим другим цивилизациям, и поэтому они игнорируют или отвергают их, а начиная с 1763 года пытаются уничтожить, когда сталкиваются с ними. Так что многополярность и однополярность — это не только политическая проблема. Это вопрос культурного отношения к реальности разных цивилизаций.

БРИКС как союз цивилизующих сил

Решающим моментом в наступлении многополярности стала индийско-бразильская инициатива по реформированию Совета Безопасности ООН. Индия и Бразилия требуют места постоянного члена в СБ ООН с 1993 года. Важно, что два гигантских государства потребовали эти места не ради повышения собственной значимости, как другие кандидаты, а как представители своих континентов — Латинской Америки и Азии, и что они подтвердили это измерение, потребовав, чтобы к ним в СБ ООН присоединились с аналогичными местами представительное государство из Африки и государство из арабо-мусульманского мира. Это радикальный отход от «расширенного европейского концерта», представленного группой из пяти постоянных членов, которые оказались там только по причине их совместной победы над «осью зла» в 1945 году и, следовательно, благодаря легитимности

[1] *Grenet F.* Religions du monde iranien ancient.

[2] *Vyasa K.-D.* Mahabharata / transl. by K. M. Ganguli. Book 2 : Sabha Parva. Lokapala Sabhakhayana Parva. Section VII–XIII. 1884–1894.

[3] *Keenleyside T.* Nationalist Indian attitudes towards Asia: a troublesome legacy for post-Independence Indian foreign policy // Pacific Affairs. Summer 1982. Vol. 55, № 2. P. 210–230.

[4] *Лихачев Д. С.* Два типа границ между культурами.

[5] *Meena K.* BRICS: an explanation in critical geography. URL: https://www.scielo.br/j/cint/a/zQFgTjPCLDjbTgR3p5PzQ5R/.

чистой силы. Бразилия и Индия фактически предлагают не что иное, как «космизацию» мира с созданием нового списка «царей мира», которые входят в мировую структуру управления потому, что каждый из них представляет один «мир», одну цивилизацию, то есть нечто иное, чем они сами или их изначальная сильная сторона (экономическая, демографическая, военная, дипломатическая и т. д.). Это революция. Именно данная инициатива — движущая сила союза БРИКС с поддержкой древнего «восточного антиполюса» (РФ и КНР).

Важно отметить, что БРИКС не является антиевропейским объединением, поскольку Россия и Бразилия — демографические центры притяжения православно-славянской и католическо-латинской цивилизаций. Народы этих стран — именно те европейские народы, которых презирал Наполеон (цитируем его: «Испанцы никогда не были европейцами, а русские никогда европейцами не станут»), и это показывает глубокую культурную логику БРИКСа. А в состав БРИКС+ теперь входят Иран, Египет, Саудовская Аравия (и ОАЭ) как представители мусульманского мира.

Кроме того, культурное измерение БРИКС и БРИКС+ очевидно. Большинство членов союза — это цивилизационные матрицы, основные культурные центры мира с античных времен. С точки зрения исторической геополитики БРИКС+ — это почти союз Монгольской империи (Россия, Китай, Иран) с Португальской (титул португальского короля: владетель завоевания, мореплавания и торговли Эфиопии, Аравии, Персии и Индии и Бразилии). Никогда в истории человечество не видело такого огромного объединения цивилизаций. Это логично: весь мир исповедует антиколониализм, кроме североморцев. Антиколониализм надо развивать как общее культурное движение.

Надо перестроить связи между членами общей цивилизации, с одной стороны, а с другой — построить мосты между цивилизациями. Такие связи — прежде всего культурные и человеческие, символические. КНР не ошибался, когда вспоминал с самого начала проекта «Нового шелкового пути», что китайско-пакистанская ось — историческая ось буддизма. Не уважать символическое измерение — фатальная ошибка. Попытки экстремистов перестроить Халифат связаны с тем, что другие группы не занимаются этим величайшим символом, важным для миллиарда людей. Страны БРИКС+ должны взять это символическое и человеческое измерение и стать союзом мировых культурных столпов. Исторически «приручение» силы, чтобы она стала цивилизованной, принимало форму символической помпезности, юридически-духовных (Right Сунь Ятсена) и культурных теорий, которые обеспечивали не на 50 лет, а на несколько столетий согласованность (региональных) миров, в центре каждого из которых находилась цивилизационная матрица, а не просто великая держава.

Страны БРИКС+ не так уж далеко, всего на 1400 лет, ушли от шести царей мира, изображенных на стенах в Каср-Амре. Индия, Иран и Эфиопия все еще здесь, Бразилия выросла из королевства Родриго через Португалию. Россия является наследницей Византии, Китай — Тюркского каганата, Аравия продолжает Омейядов. Группа БРИКС+ как будто заново открывает, более или менее сознательно, очень далекую историю, которую североморцы и Япония никогда не знали.